

ОБЪЕДИНЕННЫЕ НАЦИИ

СОВЕТ БЕЗОПАСНОСТИ

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТЧЕТ

ТРЕТИЙ ГОД

350-е заседание • 16 августа 1948 года

№ 104

ЛЕЙК СОКСЕС, НЬЮ-ЙОРК

СОДЕРЖАНИЕ

Триста пятидесятое заседание

	<i>Стр.</i>
201. Предварительная повестка дня	1
202. Утверждение повестки дня	1
203. Продолжение обсуждения вопроса о Триесте	1

Документы, относящиеся к отчетам заседаний Совета Безопасности, но не приводимые в них полностью, печатаются в ежемесячных дополнениях к *Официальным отчетам*.

Все документы Организации Объединенных Наций обозначаются условными знаками, состоящими из заглавных букв и цифр. Когда такой условный знак встречается в тексте, он означает ссылку на один из документов Организации Объединенных Наций.

ТРИСТА ПЯТИДЕСЯТОЕ ЗАСЕДАНИЕ

*Состоялось в понедельник 16 августа 1948 г.,
в 11 ч. утра, в Лейк Соксес, Нью-Йорк.*

Председатель: Яков Александрович МАЛИК
(Союз Советских Социалистических Республик).

*Присутствуют представители следующих
стран:* Аргентины, Бельгии, Канады, Китая,
Колумбии, Сирии, Соединенного Королевства,
Соединенных Штатов Америки, Союза Советских
Социалистических Республик, Украинской Со-
ветской Социалистической Республики и Фран-
ции.

201. Предварительная повестка дня (документ S/Agenda 350)

1. Утверждение повестки дня.

2. Вопрос о Свободной Территории Триест:

а) Письмо представителя Югославии от 28 июля 1948 года на имя Генерального Секретаря с препровождением текста ноты правительства Федеративной Народной Республики Югославии по вопросу о Свободной Территории Триест [документ S/927].

202. Утверждение повестки дня

Повестка дня утверждается.

203. Продолжение обсуждения вопроса о Триесте

*По приглашению Председателя И. Вильфан
представитель Югославии, занимает место за
столом Совета.*

Сэр Александр КАДОГАН (Соединенное Королевство) (*говорит по-английски*): Во время обсуждения этого вопроса постоянно указывалось на то, что правительства Соединенных Штатов, Франции и Соединенного Королевства препятствовали назначению губернатора Триеста. В конце ноты от 12 апреля 1948 года, адресованной югославским министерством иностранных дел представителю Соединенного Королевства в Белграде [документ S/944] просто сказано: «...принимая во внимание хорошо известную позицию правительства Соединенного Королевства и Соединенных Штатов Америки, делающую невоз-

можным назначение губернатора Свободной Территории Триест...»

Я считаю, что представитель Украинской Советской Социалистической Республики во время своего выступления [348-е заседание] сделал столь же дикое и нелепое заявление, не подкрепленное никакими доказательствами. Председатель Совета Безопасности также высказал то же обвинение [346-е заседание] и подчеркнул его со значительной силой. Правда, он привел некоторые факты, но я вынужден заметить, что его изложение истории вопроса настолько неполно, что может ввести нас в полное заблуждение. Он начал историю этого вопроса с даты 20 июня 1947 года, говоря, что Совет Безопасности приступил тогда к рассмотрению этого вопроса. Может быть и верно, что день этот был датой, когда Совет Безопасности, как таковой, впервые собрался для обсуждения этого вопроса, но, по моему, этому предшествовало многое другое. Я готов признать, что Председатель сам мог всего этого не знать, так как его тут не было. Я же, с другой стороны, участвовал, как мне кажется, во всех разговорах и во всех заседаниях по этому делу и считаю себя поэтому обязанным дать более полное изложение истории этого вопроса, чем это счел нужным сделать Председатель.

31 января 1947 года, почти за пять месяцев до той даты, с которой Председатель начал изложение истории вопроса о Триесте, я говорил по этому поводу с его предшественником г-ном Громыко; я указал, что на Совете Безопасности лежит долг разрешить этот вопрос и что желательно, чтобы пять постоянных членов Совета собрались вместе и постарались достигнуть соглашения, так как вопрос этот, по моему мнению, был довольно срочным. Он ответил, что у него не было никаких инструкций. Я просил его телеграфировать в Москву для получения таких инструкций. Не знаю, сделал ли он это или нет.

19 февраля представители Соединенных Штатов, Франции и Союза Советских Социалистических Республик и я устроили совещание, во время которого представитель Соединенных Штатов выдвинул кандидатуры некоторых лиц. Еще до этого я сообщил ему имя кандидата, выдвинутого моим правительством, и его имя было включено в список пяти кандидатов, врученный тогда г-ну Громыко. Г-н Громыко не мог ничего сказать по этому поводу. У него не было своего кандидата; он не был осведомлен о мнении его правительства относительно пяти

кандидатов, имена которых были ему переданы. Тем не менее, на этом заседании три других представителя настаивали на срочности этого вопроса и на необходимости или, по крайней мере, желательности достижения какого-либо соглашения к 1 марта.

Они продолжали настаивать на этом в течение всего февраля и марта, но представители пяти постоянных членов Совета Безопасности собрались лишь 21 апреля. Это было почти три месяца после того, как я впервые затронул этот вопрос в разговоре с г-ном Громыко, подчеркнув его срочность. За два или три дня до 21 апреля г-н Громыко сообщил, наконец, имя кандидата СССР на этот пост. Кандидат этот оказался неприемлемым для других представителей; все они, — я думаю, я не ошибаюсь, — изложили причины своего несогласия. Я, разумеется, изложил свои основания. Даже тогда, 21 апреля, г-н Громыко сказал нам, что он не мог высказать никаких соображений относительно пяти кандидатов, имена которых были переданы ему на рассмотрение.

На этом заседании представители Китая, Соединенных Штатов и я указали на то, что, поддерживая, конечно, наших собственных кандидатов, мы, тем не менее, готовы принять любого из трех кандидатов, значившихся в списке, другими словами, каждый из нас, хотя и поддерживая своего кандидата, был, тем не менее, готов согласиться на кандидата или кандидатов, выдвинутых другими присутствовавшими на заседании представителями. Но представитель СССР продолжал поддерживать кандидата, предложенного СССР, и не был в состоянии высказаться в пользу какого-либо другого кандидата.

Несколько дней спустя, 25 апреля, представитель СССР предложил другого кандидата, который также оказался неприемлемым, по причинам, тогда же изложенным. Г-н Громыко все еще не мог ничего сказать о других кандидатах. По этому случаю представитель Соединенных Штатов заявил, что он готов принять любого из шести кандидатов, предложенных к тому времени различными делегациями; и я, со своей стороны, также заявил о готовности принять любого из пяти кандидатов, предложенных различными делегациями.

Согласно моим записям, 22 мая, почти четыре месяца после первой беседы с представителем СССР, состоялось следующее заседание пяти постоянных членов Совета. Г-н Громыко снова повторил, что он не может принять ни одного кандидата, кроме двух, выдвинутых им согласно инструкциям его правительства.

16 июня [141-е заседание], почти пять месяцев после первой беседы с представителем СССР, последний заявил на заседании Совета Безопасности, что он не намерен обсуждать этот вопрос, пока Мирный договор не вступит в силу. Тем не менее, 16 июня он все-таки выдвинул третьего кандидата. Это предложение постигла та же участь: против этого третьего кандидата другими представителями были высказаны мотивированные возражения.

Мы подходим, наконец, к дате 20 июня, с которой Председатель начал излагать историю этого

вопроса на заседании Совета Безопасности, состоявшемся в этот день.

К этому времени, я думаю, другие делегации были уже почти истощены обструкционной политикой СССР. На этом заседании Совета [143-е заседание] никаких результатов достигнуто не было, и вопрос этот опять рассматривался на закрытом заседании. Мы — я говорю о делегации Соединенного Королевства — попрежнему придерживались того мнения, что мы предпочитаем выдвинутого нами с самого начала кандидата, но что мы готовы поддержать ряд других кандидатов, предложенных в разное время другими делегациями. Представитель СССР возражал против всех кандидатов, кроме тех, которые ему было поручено выдвинуть. Я напоминаю Совету, что это произошло почти пять месяцев после того, как мы начали обсуждение этого несчастного вопроса.

Мне нечего, я думаю, излагать подробно последние стадии этого дела. На заседании 10 июля [155-е заседание] Совет Безопасности назначил подкомитет для объединения различных предложений; Совет снова собрался 24 сентября [203-е заседание] для рассмотрения трех кандидатур, предложенных ему подкомитетом. Большинство делегаций высказалось за двух или более кандидатов. Я лично мог принять двух кандидатов, но представитель СССР попрежнему упорно цеплялся за своего собственного кандидата. Продолжая изложение этой скучной истории, — хотя я постараюсь быть кратким, поскольку это представляется возможным, — следует отметить, что вопрос был снова передан на рассмотрение пяти постоянных членов Совета. Следует помнить, что все это произошло почти через восемь месяцев после первой попытки разрешения этого вопроса. 25 сентября состоялось закрытое заседание пяти постоянных членов Совета, но положение вовсе не изменилось и продолжало оставаться без изменений до 10 октября, когда было решено просить правительства Югославии и Италии проконсультроваться друг с другом и попытаться договориться о приемлемом для обеих сторон кандидате.

На этом заседании, восемь с половиной месяцев после первого обмена мнениями, представитель Союза Советских Социалистических Республик впервые заявил, что он может согласиться еще на одного кандидата, кроме своего собственного. К сожалению, он остановился на кандидате, против которого возражали некоторые из других представителей, и разрешение этого вопроса поэтому далеко не продвинулось. Правительства Югославии и Италии не смогли договориться о кандидате, а я, согласно инструкциям моего правительства, заявил, что я не могу поддерживать предложение о назначении кандидата, отвергнутого одной из заинтересованных сторон, Италией или Югославией. Я думаю, что это было, вероятно, мудрым решением.

Мы подходим к марту месяцу. Как известно, правительства Соединенных Штатов, Франции и Соединенного Королевства, ввиду указанных обстоятельств и по другим причинам, 20 марта сделали декларацию, которая была уже доведена до сведения Совета Безопасности [8/707].

Председатель Совета Безопасности, выступая 10 августа [346-е заседание] в качестве представителя СССР, заявил, что эти три державы мотивировали свою декларацию от 20 марта о возвращении Италии Свободной Территории Триест, главным образом, трудностью добиться соглашения относительно назначения губернатора. Однако, я должен напомнить Совету, что это было лишь одной из причин. Как на это определенно указано в самой декларации, неудовлетворительные условия в югославской зоне и фактическая аннексия этой зоны Югославией, — вот, что заставило трех держав прийти к заключению, что урегулирование вопроса о Триесте, предусмотренное в Мирном договоре, сделалось неосуществимым.

Речь представителя СССР, как члены Совета могли в том, я думаю, убедиться, не была ответом ни на речь представителя Соединенных Штатов, ни на мою. Он подробно повторил изложенные в югославской ноте от 28 июля [S/927] утверждения относительно пяти соглашений, заключенных между Италией и англо-американской зоной. Эти утверждения были проанализированы и опровергнуты представителем Соединенных Штатов и мной в речах, произнесенных 10 августа [345-е и 346-е заседания].

Представитель СССР привел цитату из ноты от 13 апреля, посланной посольством СССР в Лондоне британскому министерству иностранных дел относительно будущего устройства Свободной Территории Триест. В этой ноте говорилось, что правительство Союза Советских Социалистических Республик считает неприемлемым всякое предложение разрешить вопрос о пересмотре Мирного договора с Италией путем корреспонденции или неофициальных переговоров. Чтобы дать Совету все необходимые сведения относительно этого обмена нотами, я хотел бы процитировать полный текст ответа моего правительства посольству СССР от 16 апреля, т. е. лишь три дня спустя. Вот текст этой ноты:

«Я прочел с немалым разочарованием ноту Вашего Превосходительства от 13 апреля относительно будущего устройства Свободной Территории Триест. Поднимая вопросы процедуры, нота эта не упоминает сделанного тремя державами предложения.

Правительство Его Величества, со своей стороны, придает большое значение сущности их предложения, касающегося возвращения Свободной Территории Триест под суверенитет Италии. В ноте, адресованной Вашему превосходительству 9 апреля, предлагалось, чтобы представители наиболее заинтересованных держав собрались на предварительное совещание. В намерения правительства Его Величества никогда не входило отстранить какую-либо из сторон в Мирном договоре от участия в его пересмотре. Имелось в виду, что предварительное совещание будет руководствоваться правилами процедуры, применявшимися при составлении проекта договора, который, как Вы указываете, был сначала составлен Советом министров иностранных дел и затем подробно рассмотрен представителями двадцати одного государства. Поэтому я не вижу достаточного основания для

утверждения, сделанного Вашим Превосходительством, что предложенный план нарушает элементарные демократические принципы.

Правительство Его Величества будет поэтому радо ознакомиться в самом ближайшем будущем с процедурой, которую правительство СССР предлагает для рассмотрения сущности предложения, сделанного тремя державами 20 марта с. г.»

Ясно, что правительство СССР не ответило на самое предложение и что никаких недоразумений процедурного характера не было. Представитель СССР представил некоторые возражения в связи с функционированием почты в англо-американской зоне, не соглашаясь с тем, что Италия должна будет представлять эту зону на международных почтовых конференциях. Я должен напомнить ему статью 14 Международной почтовой конвенции 1947 года, которая позволяет одной стране представлять другую на таких конференциях.

В своей речи он говорил о решениях Совета министров иностранных дел от 22 апреля 1947 года. Как на это уже указывал 10 августа [345-е заседание] представитель Соединенных Штатов, из текста этой резолюции ясно видно, что она касается только того периода, когда губернатор и временный правительственный совет вступят в исполнение своих обязанностей.

Я не могу обойти молчанием замечания представителя СССР по поводу предполагаемого участия англо-американской зоны в Планах восстановления Европы. Хотя мне хорошо известны враждебность правительства СССР к этому Плану и тот факт, что его критика базировалась только на этом, я хотел бы напомнить членам Совета, что ни одного двустороннего соглашения до сих пор еще не было заключено между этой зоной и администратором Плана восстановления Европы. Союзное военное правительство не приняло на себя никаких обязательств, которые должен был бы взять на себя губернатор. Во всех двусторонних соглашениях, которые могут быть заключены, будут положения, обеспечивающие за последующим правительством право денонсирования таких соглашений, если оно того пожелает. Нота Югославии от 12 апреля [S/944] критиковала администрацию англо-американской зоны за непринятие мер по экономическому восстановлению зоны. Правительство Югославии утверждало также, что чинились препятствия к созданию экономических сношений с другими странами, кроме Италии. Однако теперь Союзное военное управление подвергается критике за свое предложение о присоединении этой зоны, в целях экономического восстановления, к объединению, состоящему из не менее чем шестнадцати стран и двух зон Германии.

Перехожу теперь к речи украинского представителя, произнесенной 13 августа [348-е заседание]. В этой речи он толковал статью 11 Приложения VII Мирного договора с Италией в том смысле, что, впредь до введения своего собственного валютного режима, только лира признается законным платежным средством в Свободной Территории Триест. Вполне допуская, что ввиду отсутствия в русском языке определен-

ных членов, русский текст Договора может быть двусмысленным, я, тем не менее, полагаю, что не может быть сомнений относительно истинного смысла статьи 11 Приложения VII, если обратиться к английскому и французскому текстам. Совершенно ясно, что лира должна служить единственным платежным средством в Свободной Территории впредь до установления отдельного валютного режима.

Представитель Югославии в своей речи от 13 августа [348-е заседание] не делал, разумеется, серьезных попыток оспаривать правильность правового положения, в соответствии с Мирным договором, изложенного сначала представителем Соединенных Штатов, а затем мною 10 августа. Однако, он заявил, что будто бы мы признали, что финансовые соглашения равносильны установлению «экономической унии» между англо-американской зоной и Италией. Это неправильно. Нами было в действительности сказано, что положение, предусматриваемое в статье 11 Приложения VII Мирного договора, есть «объединение исключительного характера». Оба эти термина: «экономическая уния» и «объединение исключительного характера» встречаются в пункте 4 статьи 24 Приложения VI, что, конечно, заменяется статьей 11 Приложения VII, но я желал бы, тем не менее, подчеркнуть, что, по нашему мнению, термин: «объединение исключительного характера» свойственно именно теперешнему переходному положению.

Представитель Югославии спрашивал, почему необходимы соглашения между англо-американской зоной и Италией, раз представитель Соединенных Штатов и я заявили, что не может быть речи об устранении валютных или таможенных барьеров, так как таких барьеров вообще не существовало. Почему же, спрашивал представитель Югославии, нужно подписывать соглашения, если те мероприятия, которые они имеют в виду, уже в значительной степени осуществлены? Я думаю, что ответ на такой вопрос очевиден. Как подчеркнул в дальнейшем в своей речи представитель Югославии, Италия отказалась от своего суверенитета над Свободной Территорией, согласно статье 21 Мирного договора, со дня вступления его в силу. Поэтому было вполне правильным формально признать соглашения, существовавшие в то время, когда итальянский суверенитет распространялся на всю территорию, путем заключения новых соглашений по прекращении итальянского суверенитета.

Главным доводом г-на Вильфана в его речи 13 августа было то, что предусмотренные статьей 11 Приложения VII к Мирному договору соглашения не должны были быть заключены до учреждения центрального банка для Свободной Территории. Пытаясь обосновать свой тезис, он цитировал наугад выдержки из доклада Комиссии, изучавшей финансовое положение Свободной Территории Триест. Дело в том, что эта Комиссия являлась совещательным органом, представившим доклад Совету министров иностранных дел о способах проведения в жизнь экономических статей договора, касающихся Триеста.

Рассмотрим теперь положения доклада этой Комиссии. Прежде всего из введения видно, что

югославская администрация той части территории, которая известна под именем зоны «В», ни в чем не содействовала работе Комиссии. Я цитирую:

«Комиссия не смогла получить интервью с представителем Военного управления Югославии зоны В, хотя некоторые замечания относительно зоны В были сделаны представителем югославского правительства».

Переходя к той части доклада Комиссии, из которой г-н Вильфан приводил цитаты, я хотел бы процитировать полностью текст, относящийся к валюте. Эта часть доклада гласит:

«Валюта.

1. Впредь до заключения соглашения, предусмотренного статьей 11 Приложения VII и подлежащего заключению в возможно скорейший срок, Banca d'Italia должен продолжать снабжать Свободную Территорию лирами тем же способом, как это теперь делается в зоне А».

Зоной А является, конечно, англо-американская оккупационная зона. Продолжаю цитировать:

«2. В ближайшем будущем учреждается центральный банк. Статут его должен быть установлен правительством Свободной Территории.

3. Впредь до установления новой валюты, при переговорах о соглашении, предусмотренном статьей 11 Приложения VII, следует иметь в виду, что Банк Италии должен будет снабжать центральный банк Свободной Территории выпускаемыми им самим лирами для всех валютных потребностей, необходимых для нормальных банковских операций.

4. Югославские и союзные военно-оккупационные лиры должны быть изъяты из обращения возможно скорее, и с этой целью лиры, имеющие хождение в зонах, должны быть обменены на лиры метрополии по общепринятому курсу дня. Следует просить Banca d'Italia взять на себя проведение этой операции для Свободной Территории. Следует отметить, что, согласно указу Военного управления югославской армии от 24 октября 1946 года, официальный курс был установлен в 200 лир метрополии за 100 югославских военно-оккупационных лир.

5. С случае обмена в Италии теперешних банкнот в лирах на лиры нового выпуска до введения в Свободной Территории новой валюты, такая операция должна быть проведена одновременно и при тех же условиях в Свободной Территории».

Из выдержки, которую я только-что прочел, можно видеть, что югославская администрация должна была изъять из обращения в своей зоне югославскую военно-оккупационную лиру с момента вступления в силу Мирного договора и принять лиру, имеющую хождение в самой Италии, согласно статье 11 Приложения VII к Договору. Но, как известно Совету, валюта, известная под именем «юголира», попрежнему обращается в югославской зоне и по вступлении в силу Мирного договора.

Правда, доклад Комиссии имел в виду, в качестве первого шага в установлении отдельного

валютного режима, создание центрального банка для Свободной Территории. Но не было никакого сомнения в том, что мера эта должна была быть проведена губернатором по вступлении в исполнение своих обязанностей. Члены Совета помнят, должно быть, что пункт 2 только-что мной прочитанного отрывка предусматривает, что статут банка должен быть определен правительством Свободной Территории. Союзное военное управление, как известно Совету, старалось воздержаться от действий, могущих связать губернатора в его последующей работе. Если бы оно само учредило центральный банк и — как это предлагал г-н Вильфан — порвало связь в своей зоне между своей лирой и лирой, принятой в Италии, то оно совершило бы действия, входящие в круг деятельности губернатора, которому впоследствии пришлось бы иметь дело с уже учрежденным центральным банком и с валютой с произвольным курсом. У губернатора, возможно, будут совсем другие взгляды относительно учреждения банка. Далее, совершенно ясно, что Комиссия рекомендовала создание лишь одного банка для всей Свободной Территории. В своем докладе она постоянно говорит о нем, как о центральном банке Свободной Территории. Это доказывает, — если вообще нужны доказательства, — что вовсе не предполагалось, чтобы какое-либо из военных управлений учреждало банк до вступления губернатора в свою должность. В связи с этим я хотел бы знать, учредила ли уже югославская администрация такой банк в своей зоне, и если так, то на каком основании? Поскольку представитель Югославии говорит нам, что мы должны были ввести у себя лиру, не связанную с итальянской валютой, я вывожу заключение, что это уже сделано в югославской зоне и что юголира является там такой валютой. Но если югославская администрация действительно учредила центральный банк для контроля над этой валютой, то я могу только сказать, что это является еще одним вопиющим нарушением статьи 11 Приложения VII Мирного договора. Кроме того, это означает, что югославская администрация превысила свои полномочия, создав банк, деятельность которого должна была распространяться на всю Свободную Территорию. Это означает, что она создала систему, которая серьезно помешает деятельности губернатора, если таковой будет теперь назначен.

Что касается поведения Союзного военного управления в области финансовой, то я должен повторить сказанное мною на заседании 10 августа [346-е заседание]. Союзное военное управление не сделало ничего, что могло бы явиться помехой для деятельности последующего правительства. Создание центрального банка и введение особой валюты для всей Свободной Территории не встретило бы никаких затруднений в его зоне.

Все те соглашения, о которых упоминает югославское правительство в своей жалобе, были заключены Союзным военным управлением на весь период своей администрации в целях урегулирования экономики зоны. Тот факт, что эти соглашения действительно способствуют достижению этой цели, является для Соединенного

Королевства источником удовлетворения. Настоящие прения показали, как точно Союзное военное управление соблюдало предписания Мирного договора, предпринимая одновременно шаги в направлении экономического восстановления. Эти прения показали также, что югославская администрация совершенно не считалась в своей зоне с положениями статьи 11 Приложения VII Мирного договора. Югославская администрация, повидимому, не ожидала, что этот факт будет обнаружен во время этих прений. Тем не менее, вполне очевидно, что югославское военное управление совершенно игнорировало эту статью, которая гласит: «впредь до установления отдельного валютного режима для Свободной Территории итальянская лира будет продолжать оставаться законным платежным средством в Свободной Территории». Югославская администрация действительно нарушила Мирный договор, настаивая на сохранении юголиры после вступления этого договора в силу. Жителей этой зоны, работающих в англо-американской зоне, принуждают к обмену значительной части своего заработка в итальянских лирах на юголиры.

По иронии судьбы правительство Югославии само виновно в нарушении именно той статьи Мирного договора, в нарушении которой оно обвиняет правительство Соединенных Штатов и Соединенного Королевства.

Довольно говорить о валюте. Но это не единственный случай явного нарушения югославской администрацией Мирного договора. Первая фраза статьи 10 Приложения VII Договора ставит условием, что: «...существующие законы и постановления остаются в силе, если и пока их действие не будет отменено или приостановлено губернатором». Как я уже упоминал 10 августа [346-е заседание], югославское военное управление допустило в пределах своей зоны в период своей оккупации до вступления в силу Мирного договора коренные изменения итальянских законов и постановлений. Изменения, о которых я говорю, не могут быть никоим образом признаны имеющими законную силу, так как это абсолютно выходило за пределы круга деятельности и полномочий военной администрации на вражеской территории. Более того, суверенитет Италии над всей Свободной Территорией продолжал существовать вплоть до вступления в силу Мирного договора. Поэтому 15 сентября прошлого года, при вступлении Мирного договора в силу, «существующими законами и постановлениями», сохраняющими свое действие, должны были считаться итальянские законы и постановления с теми изменениями, которые военные оккупационные власти были уполномочены в них внести. Я могу упомянуть следующие мероприятия: указ, изданный 3 августа 1947 года, об организации народных судов в административном участке Истрии и указ от того же числа о создании должности прокурора и определении его функций. Следует заметить, что эти указы были изданы лишь за шесть недель до дня, когда Мирный договор должен был вступить в силу и не меньше, чем через шесть месяцев после его подписания в окончательном виде. Югославская

администрация не могла, поэтому, не зная, что ее действия, разрешающие издание таких указов, противоречили статье 10 Приложения VII Мирного договора, который должен был быть в самом ближайшем будущем ратифицирован и вступить в силу.

Другие меры, принятые в 1946 году через посредство народных комитетов, фактически упразднили традиционную систему земледельцев-издольщиков, отменили договоры между помещиками и арендаторами и ввели экспроприацию имущества без соответствующего вознаграждения. Я могу, если Совет Безопасности пожелает, представить тексты указов, касающихся этих мероприятий. Я позволю себе заявить Совету Безопасности, что правительство Югославии ответственно за нарушение статьи 10 Приложения VII Мирного договора, ибо оно, при вступлении Договора в силу, не отвергло и не отменило распоряжений, изданных в пределах своей зоны в период югославской военной оккупации не уполномоченными на то органами, известными под названием народных комитетов. Таким образом, если бы сейчас был назначен губернатор, он напел бы в югославской зоне вместо законов и постановлений, которые, по его мнению, должны были бы там действовать согласно Мирному договору, абсолютно другую судебную и административную систему, самой характерной чертой которой является поразительное сходство с системой, существующей в Югославии.

Это заставляет меня остановиться на мотивах, побудивших, вероятно, югославскую администрацию принять меры, которые я только-что описал. Для всех, кто имел случай наблюдать за реформами, введенными югославской администрацией в своей зоне до вступления в силу Мирного договора, очевидно, что администрация эта намеревалась ввести порядки и институты, действующие в Югославии. Радикальные изменения в аграрной системе не были проведены, как можно было бы предположить, только для того, чтобы отобрать у фашистов их собственность, но имели характер общих мер, явно направленных на распространение в зоне аграрной системы Югославии. Я имею даже доказательства, что действие югославских законов было распространено и на зону, оккупированную Югославией. Например, в начале 1947 года было объявлено, что новые действующие в Югославии законы о труде и социальном страховании будут распространены на территорию Районного народного комитета для Истрии, которая в это время составляла, разумеется, часть Италии и включала область, вошедшую впоследствии в состав Свободной Территории.

Вскоре после вступления в силу Мирного договора, из полученной им информации относительно югославской зоны правительству Соединенного Королевства стало ясно, что правительство Югославии фактически включило эту зону в свою страну. Примеры, только-что мною приведенные, как бы важны они ни были, являются, конечно, лишь незначительной частью мероприятий югославской администрации в своей зоне. Однако я уверен, что когда члены Совета Безопасности, по прошествии некоторого времени,

оценят значение этих фактов, они сами убедятся, что правительство Югославии намеревалось закончить фактическое включение этой зоны в Югославию до вступления в силу Мирного договора, чтобы поставить губернатора перед совершившимся фактом.

Ввиду всего этого я повторяю, что эти прения послужили лишь к тому, чтобы подчеркнуть целесообразность и правильность администрации англо-американской зоны, с одной стороны, и слабо прикрытую попытку югославского правительства, с другой стороны, свести на-нет цели статьи 21 Мирного договора.

Ф. ДЖЕССЕП (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): Мне хотелось бы с самого начала заявить, что правительство Соединенных Штатов вполне соглашается со взглядами, так умело изложенными только-что представителем Соединенного Королевства. Я бы хотел только сделать несколько замечаний по некоторым пунктам, в частности относительно заявления, сделанного представителем Югославии на 348-м заседании Совета Безопасности.

Я признаю, что г-н Вильфан весьма добросовестно пытался поддержать утверждения своего правительства, но я думаю, что анализ заявлений, сделанных им на заседании Совета Безопасности, обнаруживает всю безнадежность возложенной на него задачи. Скажу откровенно, что по тщательном рассмотрении этих заявлений, я нахожу, что он не сказал ничего, что могло бы служить ответом на те вопросы, которые я имел честь предложить от имени моей делегации 10 августа [346-е заседание]. На самом деле, в свете этого заявления и заявления, сделанного представителем Соединенного Королевства, создается впечатление, что представитель Югославии действительно изменил свою собственную позицию. В своем заявлении в Совете Безопасности он отметил, что он не придерживается больше того мнения, что вопрос, находящийся на рассмотрении Совета Безопасности, связан с юридическим толкованием Мирного договора. Мне хотелось бы напомнить Совету о той части его речи на 348-м заседании, в которой он сказал:

«Представители Соединенных Штатов Америки и Соединенного Королевства, в своих речах по этому вопросу на 347-м заседании Совета Безопасности, дали понять, что вся проблема, рассматриваемая в настоящее время Советом Безопасности, связана с юридическим толкованием Мирного договора с Италией, в частности тех его пунктов, которые касаются Свободной Территории Триест. На деле, однако, трудность проблемы не в этом и, в частности, она не вызывается затруднениями, проистекающими из толкования пунктов Мирного договора, относящихся к Свободной Территории Триест».

В цитате, взятой из заявления г-на Вильфана, равно как из того факта, что он более не настаивает на юридических аргументах по этому вопросу, можно заключить, повидимому, что он отдает себе отчет в невозможности представить какие-либо веские юридические аргументы, доказывающие, что Соединенные Штаты и Соеди-

ненное Королевство нарушили Мирный договор. У меня создалось впечатление, что он теперь изменил свою позицию и что в лихорадочных поисках материала для подкрепления доводов своего правительства он подвергает теперь сомнению искренность желаний наших двух правительств провести в жизнь дух Мирного договора. Из предыдущих заявлений представителей Соединенных Штатов и Соединенного Королевства всем членам Совета стала, я думаю, ясна наша точка зрения, что статья 11 Приложения VII Мирного договора вполне отменяет, с юридической точки зрения, пункт 4 статьи 24 Приложения VI.

В заявлении представителя Югославии я не нахожу ничего, что могло бы противоречить этому утверждению, и я полагаю, поэтому, что Совет Безопасности может считать, что оно принимается.

Г-н Вильфан выдвинул ряд аргументов с целью доказать, что задача управления Свободной Территорией в период временного режима заключается в создании независимого экономического режима. Далее, он приложил большие, как мне показалось, усилия, чтобы доказать, что в таких вопросах, как валюта, платежные балансы, таможенные пошлины и курс иностранной валюты, действия властей англо-американской зоны находились в противоречии с задачами временного режима, как он их понимает. Я думаю, что основная ошибка заключается в том, что он не проводит различия между двумя фазами временного режима, ясно предусмотренного статьей 1 Приложения VII и ясно обнаружившимися в развитии событий в Свободной Территории.

Этими двумя фазами являются: во-первых, фаза, предусмотренная во второй фразе статьи 1, а именно — тот период, в течение которого союзные военные командования продолжают исполнять свои административные функции в своих соответственных зонах, и, во-вторых, фаза, начинающаяся по вступлении губернатора в отправление своих обязанностей, когда начинает осуществляться более постоянная форма управления Территорией.

Весьма важно не упускать из вида этих двух аспектов временного режима, ибо совершенно очевидно, что во время первой фазы, когда власть продолжает еще оставаться в руках военного командования, мы имеем дело с двумя зонами, — англо-американской и югославской. Лишь после назначения губернатора будет возможно — и дозволено по Мирному договору — создание единой зоны, подчиненной губернатору и временному правительственному совету. Мне кажется, что я уже достаточно подчеркивал этот пункт в моем предыдущем заявлении, но я хотел бы повторить еще раз, что оставление в силе настоящих особых мер, требуемых статьей 11 Положения о временном режиме, вполне разрешается и оправдывается Мирным договором вплоть до того времени, пока губернатор и временный совет не установят в должное время новый и независимый режим.

Нет никакого сомнения, по моему мнению, что Мирный договор вовсе не предусматривает образования независимого экономического режима

для Триеста военными командованиями этих двух зон. Разрешение этой задачи было предусмотрено предоставлено губернатору и временному совету после объединения обеих зон. От союзных командований не только не требуется принятие таких мер, но совершенно ясно, что это им даже запрещено. Здравое рассуждая, допустимо ли, чтобы англо-американский командующий в одной зоне и югославский командующий в другой могли предпринимать независимо друг от друга, каждый в своей зоне, шаги к созданию независимого экономического режима для всей территории Триеста? Такая идея представляется мне слишком нелепой, чтобы на ней останавливаться. Она привела бы, очевидно, к образованию двую независимых экономических режимов, создавая таким образом для губернатора, после его назначения, совершенно невозможное положение, или к полному хаосу. Я полагаю, поэтому, что этот новый аргумент представителя Югославии, к которому он был принужден прибегнуть, является, может быть, даже еще более искусственным, чем первоначальный аргумент, которым он подкреплял выдвинутые его правительством обвинения.

Мне хотелось бы сказать всего только несколько слов относительно аргументов г-на Вильфана, основанных на цитатах, взятых им из доклада Триестинской комиссии по обследованию. При рассмотрении этих цитат и ссылок видно, что они взяты из части доклада, касающейся нового режима, который должен быть создан губернатором и временным советом, т. е., что они относятся к второй фазе, после назначения губернатора, а не к первой, временной фазе военного управления.

Я первым утверждаю, что Соединенные Штаты и Соединенное Королевство не пытались создать в своей зоне независимой экономической системы в соответствии с рекомендациями Комиссии, предназначенными для губернатора. Я ясно изложил это в моем последнем заявлении [345-е заседание] и я признаюсь, что я удивляюсь, как это ускользнуло от внимания г-на Вильфана. Я хотел бы, поэтому, повторить то, что я тогда сказал. Я сказал:

«Это противоречило бы очевидным целям Мирного договора, если бы в течение этого периода Союзное военное управление приняло такие меры, которые, согласно Договору, должны быть проведены лишь в течение переходного периода. Такие коренные меры, направленные на экономический отрыв Триеста от Италии, предполагалось оставить на усмотрение губернатора и временного правительственного совета или даже того окончательного правительства, которое будет действовать согласно постоянному статуту».

Слушая ответ представителя Югославии, я думал, что г-н Вильфан, может быть, не хотел дать прямого ответа на мой аргумент. Но нельзя отрицать, что этот аргумент, вне сомнения, опровергает всецело построенное на ложных предпосылках заявление, которое он сделал в прошлую пятницу [348-е заседание]. Ясно также, что это утверждение юридически не обосновано и что им не было сделано серьезной попытки дать ему юридическое обоснование.

Переходя к заявлениям представителей Украинской Советской Социалистической Республики и Союза Советских Социалистических Республик, могу сказать, что у меня создалось такое же впечатление, как и у сэра Александра Кадогана, выступавшего на утреннем заседании, а именно, что в них повторяются главным образом обвинения, высказанные представителем Югославии, и что они не являются ответом на вопросы, поставленные на заседании Совета Безопасности Соединенным Королевством и Соединенными Штатами. Я также считаю, что по тщательному изучению может показаться, что заявление, сделанное от имени Союза Советских Социалистических Республик, было, может быть, составлено до того, как были сделаны подробные заявления представителями Соединенных Штатов и Соединенного Королевства.

Я бы хотел коснуться одного пункта в заявлении, сделанном Председателем, выступавшим в качестве представителя СССР, хотя это уже и было весьма удовлетворительно сделано представителем Соединенного Королевства. Я говорю о сделанном на 346-м заседании заявлении, в котором Председатель сказал:

«Правительство Соединенных Штатов Америки, в нарушение этого решения и своих обязательств по этому решению, односторонне распространяет план Маршалла и на Свободную Территорию Триест вместо того, чтобы руководствоваться решением Совета министров иностранных дел».

Представитель Соединенного Королевства указал на некоторые ошибки фактического характера в этом заявлении, но я хотел бы остановиться на его более широких аспектах. Заявление, повидимому, имеет целью доказать, что включение англо-американской зоны Триеста в План восстановления Европы является нарушением Мирного договора с Италией, но абсолютно никаких оснований для такого утверждения приведено не было. Я просто не могу понять скрытых за этим мотивов и могу только предположить, что их надо искать в общей, хорошо известной оппозиции СССР предоставлению какой-либо экономической помощи Европе.

Поскольку Мирный договор с Италией имеет какое-либо отношение к этому вопросу, мне кажется, что ответственные власти должны руководствоваться главным образом нуждами населения и заботами о его благосостоянии. Включение англо-американской зоны в то, что обычно называется «Планом Маршалла», обеспечит денежные средства, нужные для приобретения необходимого продовольствия и сырья. Но раз г-н Малик ссылается на определенное решение Совета министров иностранных дел [S/577], то мне хотелось бы процитировать пункт 3 этого решения, который, по его мнению, явно нарушается мерой, намечаемой Союзным командованием. Пункт этот гласит:

«Так как платежный баланс может показать дефицит в иностранной валюте за период с июля по сентябрь 1947 года, то Совет министров иностранных дел полагает, что в случае получения Советом Безопасности от губернатора и временного правительственного совета просьбы отно-

сительно финансовой помощи извне для покрытия срочных нужд первого периода, Совет Безопасности может рекомендовать предоставление в распоряжение правительства Свободной Территории Триест суммы не свыше пяти миллионов долларов из средств Объединенных Наций».

Мне кажется совершенно ясным, что это решение имело в виду просьбу, обращенную к Совету Безопасности губернатором и временным правительственным советом, после их вступления в должность, о предоставлении финансовой помощи. Когда Генеральная Ассамблея приняла решение по этому вопросу 20 ноября 1947 года, ее резолюция предусматривала следующее:¹

«Генеральный Секретарь уполномочивается авансировать такие суммы, которые не превысят в итоге пяти миллионов долларов США, на оказание в 1948 году срочной помощи Свободной Территории Триест, какую Совет Безопасности может утвердить, по просьбе губернатора и временного правительственного совета Свободной Территории Триест, и на условиях, которые будут определены Генеральным Секретарем и губернатором. В случае предоставления таких авансов, в Фонде оборотных средств открывается с этой целью специальный счет, который пополняется взносами членов Организации, согласно специальной оперативной шкале, подлежащей установлению на ближайшей сессии Генеральной Ассамблеи. Все суммы, какие будут возмещены Объединенным Нациям Свободной Территорией Триест в погашение авансов, согласно условиям, определяющим эти авансы, кредитуются членами Организации пропорционально их взносам, сделанным по указанной специальной шкале».

Ясно, что Союзное командование не может рассчитывать на получение финансовой помощи на основании этой резолюции Генеральной Ассамблеи от Организации Объединенных Наций для своей зоны Триеста. Могло ли, однако, Союзное командование не считаться с основными потребностями населения в пище и топливе, не говоря уже о сырье, необходимом для экономического оживления зоны, предоставления работы населению и привлечения в эту зону иностранной валюты? Удовлетворило бы это нужды населения и повысило бы это его благосостояние? Если бы Генеральная Ассамблея изменила условия, связанные с авансированием пяти миллионов долларов, то, мне кажется, Союзное командование, без сомнения, приветствовало бы такую помощь, что помогло бы ему покрыть дефицит платежного баланса в своей зоне Свободной Территории. Но я позволю себе указать Совету Безопасности на то, что даже в случае предоставления этой суммы, она сможет удовлетворить потребности Территории лишь на короткое время, так как эти потребности ежегодно превышают в несколько раз пять миллионов долларов. Я весьма сомневаюсь в том, что Организация Объединенных Наций смогла бы уделять из своего теперешнего бюджета кредиты, достаточные для покрытия потребностей Свободной Территории. Во всяком

¹ Официальный отчет второй сессии Генеральной Ассамблеи, Резолюции, 166(II).

случае, я не вижу причины, почему я должен извиняться за то, что мое правительство, несущее часть ответственности за одну из зон Свободной Территории, предоставило средства, необходимые для поддержания по крайней мере минимального жизненного уровня, так как достать эти средства из какого-либо другого источника не представлялось возможным.

Не знаю, следует ли добавить еще что-либо по поводу обвинений, выдвинутых правительством Югославии. Было доказано, мне кажется, что они лишены всякого основания. Но я надеюсь, что Совет Безопасности согласится с тем, что англо-американское командование не только выполнило свои обязательства по управлению своей зоной Свободной Территории Триест в полном согласии с требованиями Мирного договора с Италией, но что оно способствовало благосостоянию населения и продвинуло вперед экономическое восстановление и реконструкцию этой зоны.

Мое правительство отвергает инсинуации, сделанные правительством Югославии относительно тех намерений, которыми мы руководствовались в наших действиях. В своем вступительном заявлении на 348-м заседании Совета Безопасности, представитель Югославии указал на то, что представители СССР и Украины много говорили — повторяю буквально его слова — о «тактике этих правительств» (т. е. Соединенных Штатов и Соединенного Королевства), «стремящихся задержать назначение губернатора и пытающихся создать, этим путем, обстановку, которая оправдывала бы их предложение от 20 марта».

Представитель Соединенного Королевства изложил сегодня утром перед Советом Безопасности всю историю вопроса о назначении губернатора. Я не буду уточнять ясно изложенную историю этого вопроса, но я полагаю, что теперь для Совета Безопасности должно быть совершенно очевидно, что причиной предложения 20 марта [S/707], касающегося возвращения всей Свободной Территории Триест под суверенитет Италии, являлось то совершенно неудовлетворительное положение, которое было создано югославским правительством путем фактического присоединения югославской зоны к Югославии и установления в этой зоне полицейского режима. Вот та причина, почему положения Мирного договора, касающиеся Триеста, оказались невыполнимыми, и вот почему Соединенные Штаты, Соединенное Королевство и Франция предложили 20 марта как наилучшее разрешение проблемы, чтобы Мирный договор был пересмотрен и чтобы вся область Свободной Территории Триест была возвращена под суверенитет Италии. В этом предложении от 20 марта, которое было официально сообщено Совету Безопасности и официально доведено до сведения правительства Югославии, все три правительства категорически заявили, что они получили многочисленные доказательства того, что югославская зона подверглась коренным изменениям и была фактически аннексирована Югославией путем действий, не учитывающих выраженного державами желания предоставить Территории независимость и демократический статус. Сэр Александр Кадоган дал

сегодня утром ряд точных сведений по этому вопросу.

Но правительство Югославии вовсе не признало своей ответственности перед Советом Безопасности за управление своей зоной Свободной Территории за собственным «железным занавесом». В своем заявлении от 4 августа [344-е заседание] — я уже говорил об этом раньше — г-н Вильфан заметил, что он не будет возражать против представления доклада об управлении югославской зоной Свободной Территории, если Совет Безопасности выразит такое желание. Можно было бы думать, что правительству Югославии уже давно следовало бы считать себя обязанным представить полный и подробный отчет о своем управлении. Конечно, мы можем только строить предположения о тех причинах, по которым оно боялось до сих пор предоставить такой доклад. Совет Безопасности, однако, располагает теперь полной информацией об англо-американской зоне и может составить свое собственное суждение об администрации этой зоны. Следовало бы дать Совету Безопасности возможность составить себе столь же ясное представление о югославской зоне. Соединенные Штаты, со своей стороны, хотели бы, чтобы Совету Безопасности была предоставлена возможность сравнить, пункт за пунктом, порядок управления в каждой из зон.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: На моем списке имеется еще несколько ораторов.

Внесено предложение продолжать прения по этому вопросу сегодня в 2 ч. 30 м. дня или отложить их до среды 18 августа в 2 ч. 30 м. дня. Я лично предпочитаю последнее предложение.

Ф. ДЖЕССЕП (Соединенные Штаты Америки) (*говорит по-английски*): Мне кажется, что в среду утром мы должны будем обсуждать палестинский вопрос, и возможно, что эта дискуссия не сможет закончиться в течение утреннего заседания. В повестке дня на этот день значится также рассмотрение доклада о заявлении Цейлона о принятии его в число членов Организации. Я сомневаюсь, поэтому, что в среду у нас будет достаточно времени для рассмотрения и этого вопроса.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Я полагаю, что если назначить заседание Совета Безопасности на 10 ч. 30 м. утра, вместо 11 ч. утра, как было условлено раньше, то у нас будет достаточно времени для обсуждения как палестинского, так и цейлонского вопросов на утреннем заседании и что дневное заседание можно будет посвятить прениям по вопросу о Триесте.

Сэр Александр КАДОГАН (Соединенное Королевство) (*говорит по-английски*): Председатель заявил, что у него на списке значится несколько ораторов. Может быть, они пожелают, если они готовы, выступить сегодня днем; мы этим выиграем время.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ: Некоторые из ораторов на моем списке предпочитают выступить в среду. Следующее заседание назначается на 2 ч. 30 м. дня в среду 18 августа.

Заседание закрывается в 1 ч. 20 м. дня.

СКЛАДЫ ИЗДАНИЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

АВСТРАЛИЯ

H. A. Goddard Pty. Ltd.
255a George Street
Sydney, N.S.W.

АРГЕНТИНА

Editorial Sudamericana S.A.
Alsina 500
Buenos Aires

БЕЛЬГИЯ

Agence et Messageries de la
Presse, S.A.
14-22 rue du Persil
Bruxelles

БОЛИВИЯ

Librería Científica y Literaria
Avenida 16 de Julio, 216
Casilla 972
La Paz

ВЕНЕСУЭЛА

Escritoria Pérez Machado
Conde a Piñango 11
Caracas

ГАИТИ

Max Bouchereau
Librairie "A la Caravelle"
Boîte postale 111-B
Port-au-Prince

ГВАТЕМАЛА

José Goubaud
Goubaud & Cía. Ltda.
Sucesor
5a Av. Sur No. 6 y 9a C. P.
Guatemala

ГРЕЦИЯ

"Eleftheroudakis"
Librairie internationale
Place de la Constitution
Athènes

ДАНИЯ

Einar Munksgaard
Nørregade 6
København

ДОМИНИКАНСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Librería Dominicana
Calle Mercedes No. 49
Apartado 656
Ciudad Trujillo

ЕГИПЕТ

Librairie "La Renaissance
d'Egypte"
9 Sh. Adly Pasha
Cairo

ИНДИЯ

Oxford Book & Stationery Co.
Scindia House
New Delhi

ИРАК

Mackenzie & Mackenzie
The Bookshop
Baghdad

ИРАН

Bongahé Piaderow
731 Shah Avenue
Teheran

ИСЛАНДИЯ

Bokaverzlun Sigfusar
Eymundsonnar
Austurstreti 18
Reykjavik

КАНАДА

The Ryerson Press
299 Queen Street West
Toronto

КИТАЙ

The Commercial Press Ltd.
211 Honan Road
Shanghai

КОЛУМБИЯ

Librería Latina Ltda.
Apartado Aéreo 4011
Bogotá

КОСТАРИКА

Trejos Hermanos
Apartado 1313
San José

КУБА

La Casa Belga
René de Smedt
O'Reilly 455
La Habana

ЛИВАН

Librairie universelle
Beyrouth

ЛЮКСЕМБУРГ

Librairie J. Schummer
Place Guillaume
Luxembourg

НИДЕРЛАНДЫ

N. V. Martinus Nijhoff
Lange Voorhout 9
s'Gravenhage

НИКАРАГУА

Ramiro Ramirez V.
Agencia de Publicaciones
Managua, D. N.

НОВАЯ ЗЕЛАНДИЯ

Gordon & Gotch, Ltd.
Waring Taylor Street
Wellington
United Nations Association
of New Zealand
P. O. Box 1011 G.P.O.
Wellington

НОРВЕГИЯ

Johan Grundt Tanum Forlag
Kr. Augustgt. 7A
Oslo

ПЕРУ

Librería internacional
del Peru, S. A.
Casilla 1417
Lima

ПОЛЬША

Spółdzielnia Wydawnicza
"Czytelnik"
38 Poznańska
Warszawa

СИРИЯ

Librairie universelle
Damas

СОЕДИНЕННОЕ КОРОЛЕВСТВО

H. M. Stationery Office
P. O. Box 569
London, S.E. 1
and at H.M.S.O. Shops in
London, Belfast, Birmingham,
Bristol, Cardiff, Edinburgh
and Manchester

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ

International Documents Service
Columbia University Press
2960 Broadway
New York 27, N. Y.

ТУРЦИЯ

Librairie Hachette
469 Istiklal Caddesi
Beyoglu-Istanbul

УРУГВАЙ

Oficina de Representación
de Editoriales
Av. 18 de Julio 1333 Esc. 1
Montevideo

ФИЛИППИНЫ

D. P. Pérez Co.
132 Riverside
San Juan, Rizal

ФИНЛЯНДИЯ

Akateeminen Kirjakauppa
2, Keskuskatu
Helsinki

ФРАНЦИЯ

Editions A. Pedone
13, rue Soufflot
Paris Ve

ЧЕХОСЛОВАКИЯ

F. Topic
Narodni Trida 9
Praha 1

ЧИЛИ

Edmundo Pizarro
Merced 846
Santiago

ШВЕЙЦАРИЯ

Librairie Payot S. A.
Lausanne, Genève, Vevey,
Montreux, Neuchâtel,
Berne, Basel
Hans Raunhardt
Kirchgasse 17
Zurich

ШВЕЦИЯ

A.-B. C. E. Fritze's Kungl.
Hofbokhandel
Fredsgatan 2
Stockholm

ЭКВАДОР

Muñoz Hermanos y Cía.
Nueve de Octubre 703
Casilla 10-24
Guayaquil

ЭФИОПИЯ

Agence éthiopienne
de publicité
P. O. Box 8
Addis-Abeba

ЮГОСЛАВИЯ

Drzavno Preduzece
Jugoslovenska Knjiga
Moskovska ul. 36
Beograd

ЮЖНО-АФРИКАНСКИЙ СОЮЗ

Central News Agency
Commissioner & Rissik Sts.
Johannesburg; and at
Capetown and Durban